

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ОБЩЕСТВА

УДК 911.3

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ И ЛОКАЛИЗАЦИЯ ЭТНОСОВ НА ЮГЕ РОССИИ
(МУНИЦИПАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ)

© 2025 г. А. Г. Дружинин^{1,2, *}, Д. А. Вольхин³, О. В. Кузнецова⁴

¹Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

²Институт географии РАН, Москва, Россия

³Крымский федеральный университет, Симферополь, Россия

⁴Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия

*e-mail: alexdru9@mail.ru

Поступила в редакцию 14.08.2024 г.

После доработки 10.02.2025 г.

Принята к публикации 31.03.2025 г.

Статья посвящена актуализированной для современной России проблематике ее пространственного развития. Цель исследования (выполненного на материалах Юга России, рассматриваемого в единстве Южного и Северо-Кавказского федеральных округов) – сопряженный анализ этногеографической “мозаики” территории и ее стратификации по уровню и динамике экономического роста. Фактологической базой послужили данные Всероссийской переписи населения 2020 г., а также данные по налогооблагаемым денежным доходам населения, проанализированные по 332 входящим в структуру Юга России городским округам, муниципальным округам и районам и визуализированные на основе ГИС. Показано, что присущая макрорегиону неравномерность селитебного и хозяйственного освоения проявляется в дихотомии идентифицированных и делимитированных ареально-узловых структур (Западная, Предкавказская и Восточная полосы, включающие все 16 локализованных на юге европейской части страны городских агломераций) и обширных периферийных ареалов (Аридный восток, Черноземный север Ростовской и Волгоградской областей, Горные территории Кавказа, а также Равнинный и Предгорный Крым). Определена приуроченность к ним моно- (с разбивкой по отдельным этносам) и полиэтнических муниципальных образований. Выявлена характерная для крупнейших этносов Юга России ареально-сконцентрированная локализация с элементами дисперсии, порождающая дихотомию полиэтнических территорий и разноразмерных моноэтнических ареалов (включая зону русской моноэтничности, занимающую 52.4% территории южнороссийского макрорегиона и вмещающая 63.9% его населения, а также 80.2% налогооблагаемых денежных доходов физических лиц и индивидуальных предпринимателей). Акцентируется необходимость учета “этнического аспекта” территориальной организации экономики Юга России в федеральной пространственной политике.

Ключевые слова: пространственное развитие, экономика, территориальные структуры, муниципальные образования, этническая структура, Юг России

DOI: 10.7868/S2658697525030033

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА И ЕГО
ИЗУЧЕННОСТЬ

Проблематика неравномерности пространственного развития в постсоветский период стала для российской общественной географии и сопряженных с ней областей знания одной из наиболее значимых. В рамках ее изучения проводился центрально-периферийный анализ (Грицай и др., 1991; Каганский, 2001; Родоман, 2021),

реализовывались многоаспектные исследования факторов и проявлений социально-экономического неравенства (и “выравнивания”) на региональном и местном уровнях (Анохин, Федоров, 2017; Зубаревич, 2010; Нефедова, 2020), анализировались процессы структурных трансформаций в крупнейших городах, формирования их агломераций (Антонов, Махрова, 2019; Лаппо, 2019; Швецов, 2018) и, одновременно, “сжатия” осво-

енного пространства (Лексин, 2021; Пивоваров, 1997; Сжатие ..., 2010; Трейвиш, 2010), осмысливались идеи “новой экономической географии” (Коломак, 2013; Пилясов, 2011), представления о стратегических приоритетах пространственного развития России (Крюков, Селиверстов, 2022; Кузнецова, 2019; Минакир, 2019).

Новая для Российской Федерации внешнеполитическая и внешнеэкономическая реальность требует не только учета системных (в том числе геополитических) рисков полимасштабных проявлений территориального социально-экономического неравенства, но и обоснования возможностей и приоритетных направлений экономического развития (Широв и др., 2024). Последнее практически достижимо при условии понимания его пространственных структур и детерминант социально-экономического развития (Нефедова и др., 2022); при этом существенную для нашей страны роль, как представляется, играет “национальный фактор”, особенности ее этногеографии.

В зарубежной литературе уже давно широко обсуждается взаимообусловленность экономической динамики конкретных территорий и их этноструктурной специфики, включая этническое разнообразие, иноэтническую миграцию и др. (Benassi et al., 2008; Collier, 2001; Logan, 2002; Montalvo and Reynal-Querol, 2021). В последние годы растет интерес к этой проблематике и в отечественном исследовательском сообществе. Попытки учесть зарубежный опыт (Минат, 2022; Цапенко, 2016), равно как и оценить на этой основе экономические возможности (Буфетова, Коломак, 2021; Несена, 2015; Попков, Тюгашев, 2018) и риски (Аузан, Никишина, 2021; Тарбастаева, 2018) российской локализованной поли- и моноэтничности, сочетаются, при этом, с установкой на более глубокое и детализированное (но пока мало затронувшее “низовую”, муниципальный уровень территориальной таксономии) исследование феномена, метафорично обозначенного одним из авторов как “разноцветная” (национально “окрашенная”) экономика (Крюков, 2017).

На юге Европейской России этнодемографическая мозаичность, которой посвящено уже множество публикаций (Суший, 2015; Цуциев, 2007; Черноус, 2001), в том числе географической направленности (Белозеров, 2005; Манаков, 2019; Стрелецкий, 2011; Щитова и др., 2019), выражена особенно отчетливо. Здесь городские агломерации разного ранга и размера и протяженные приморские зоны экономически и селитебно контрастируют с обширными слабозаселенными равнинными и высокогорными

пространствами (Дружинин, 2005; Дружинин, 2009; Северный ..., 2011).

Цель статьи — опираясь на аналитику по Югу России (под которым авторы понимают Южный и Северо-Кавказский федеральные округа), осуществить его актуальное пространственное экономическое структурирование, соотнеся последнее с локализацией крупнейших по численности этносов, а также в целом со спецификой этнической структуры муниципальных образований (далее — МО) и идентифицируя, тем самым, наиболее проблемные ситуации и ареалы.

ДАННЫЕ И МЕТОДЫ

Фактологической базой исследования локализации этносов стали данные Всероссийской переписи населения 2020 г., детализированные по 332 МО 14 субъектов РФ. Типологизация этнической структуры МО осуществлена с учетом адаптированной к современным российским этногеографическим условиям шкалы “моно-полиэтничности” [методический подход изложен в (Дружинин, 2024)] и визуализирована с применением ГИС. При идентификации ключевых пространственных структур экономики в качестве основного показателя (наиболее адекватно и полно отражающего масштаб хозяйственной активности) взяты публикуемые Росстатом сведения о налогооблагаемых денежных доходах физических лиц и индивидуальных предпринимателей в разрезе всего массива МО на уровне городских округов, муниципальных округов и районов¹. Основывающаяся на этих данных аналитика (дифференциация и группировка муниципальных образований по уровню и темпам экономического развития) представлена за 2015–2021 гг. Приоритетное внимание уделено также демографо-экономической параметризации сложившихся на Юге России городских агломераций, делимитация которых проведена с ориентацией на методические разработки Фонда “Институт экономики города” (К вопросу ..., 2023), а также разработанные в российской геоурбанистике подходы (Антонов, Махрова, 2019; Полян, 1988), предполагающие анализ изохрон доступности центров и градиентов в плотности населения между агломерациями и внеагломерационными пространствами.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Размещение селитебной и экономической активности на Юге России изначально во многом обусловлено почвенно-климатическими разли-

¹ Отсутствие этих данных в сопоставимом виде по Севастополю как субъекту Федерации предопределило его вывод за рамки исследования.

чиями, наиболее ощутимыми по оси “запад—восток”, меридиональными коммуникационными коридорами (донским и волжским), влиянием “фактора моря”, а также спецификой высокогорья (особым образом выраженной в Горном Дагестане). Структуры расселения и территориальной организации экономики Юга России во многом отражают также характер индустриализации, начавшейся здесь еще в первые десятилетия XX в. (Гозулов, 1927). Другие важные факторы — курортно-рекреационное освоение Причерноморья и Кавказских Минеральных Вод (особенно с 1960-х годов) и урбанизация, приумножившие центр-периферийные градиенты, уже в постсоветский период скорректированные регионализацией, глобализацией и метрополилизацией (Дружинин, 2009). Пространственная структура Юга России при этом усложнилась за счет “взаимонапластования” своих компонент (рис. 1) и приобрела более поляризованный, дихотомичный характер.

С использованием ГИС-аналитики, здесь можно выделить:

— *Западную (Черноморско-Донскую) меридиональную полосу селитебной и хозяйственной активности* и контрастирующие с ней в социально-экономическом отношении (по плотности населения в 6–7 раз ниже, а по плотности налогооблагаемых доходов в 9–15 раз) *Аридный восток*, а также *Черноземный север Ростовской и Волгоградской областей* (табл. 1);

— *Предкавказскую селитебную и хозяйственную полосу* (разделенную на две зоны, из которых Западная, центрированная на Краснодаре, выступает пространством взаимного пересечения Предкавказской и Западной полос) и периферийные *Горные территории Кавказа* (различия в плотности населения между ними 5-кратные, а налогооблагаемых доходов — 14-кратные);

— *Южнокрымскую агломерацию* (“рассредоточенную”, но логистически единую) и существенно отличный от нее в социально-экономическом отношении *Равнинный и Предгорный Крым*.

Узловыми элементами южнороссийского пространства (если рассматривать его без “новых регионов”) выступают, при этом, 14 в различной степени сформированных *городских агломераций*, две “квазиагломерации” (Грозненская и Назрань—Магас, каждая из которых представляет *компактный моноэтнический сельско-городской континуум*), по плотности заселенности (230 и 170 чел./км² соответственно) подобные другим аналогичным структурам Юга России (в крупнейших городских агломерациях этот показатель варьирует от 95 до 335 чел./км²). К числу “узловых” авторами статьи отнесена и Элиста, в геопространственном отношении занимающая

серединную позицию в структуре южнороссийского Аридного востока, но по экономическому и демографическому “весу” существенно уступающая Волгоградской и Астраханской агломерациям. Последние, наряду с Махачкалинской и Дербентской агломерациями, образуют *Восточную (Волжско-Каспийскую) полосу активности*, “разорванную” межагломерационными пространствами (табл. 2).

Суммарно, на всю совокупность 17 социально-экономически разноразмерных “центральных пространств” по ситуации на 2021 г. приходилось 17.5% территории муниципальных образований Юга России, 55.8% их населения и 69.2% экономической активности. При этом, в силу в том числе структурной и институциональной специфики, в 9 из них душевые объемы налогооблагаемых доходов — ниже средних по южнороссийскому макрорегиону; аналогичное число городских агломераций демонстрировало уступающие средним (за 2015–2021 гг.) темпы динамики численности населения (6 из них — демографически “сжимающиеся агломерации”) и лишь в 8 наблюдался выше среднего рост налогооблагаемых доходов (наиболее интенсивный — в Южнокрымской, Сочинской, Грозненской и Краснодарской агломерациях, а также в Элисте). Неравномерность (в том числе разновекторность) селитебного освоения южнороссийских территорий, их демографической динамики и хозяйственной активности дополняется этноструктурной мозаикой (наиболее выраженной именно на муниципальном уровне), в свою очередь порождающей **специфические локальные этноэкономические и этнодемографические ситуации**.

Согласно переписи 2020 г., в масштабе России ее Юг специфичен пониженной долей в населении русских (60.4 против 71.7% по стране в целом) при том, что количественный разрыв между “русской составляющей” этнической структуры макрорегиона и вторым по численности этносом (чеченцы) — десятикратный, а третьим (аварцы) — более чем шестнадцатикратный. Иная особенность Юга России — выраженная “чересполосица” МО с различной этнической структурой (смещенная к югу и юго-востоку), дополняемая существенным присутствием отдельных национальностей (в качестве “вторых-третьих”) в том или ином субъекте Федерации (казахи и татары в Астраханской области, армяне и турки — в Ростовской, крымские татары и украинцы — в Республике Крым и т.д.). Множественно проявляющаяся полиэтничность территории сочетается, при этом, со столь же характерным наличием в ее составе *ареалов моноэтнических МО*.

Рис. 1. Важнейшие территориально-хозяйственные и селитебные структуры Юга России.

Составлено авторами на основе ГИС-аналитики.

Таблица 1. Важнейшие ареалы и полосы селитебного и территориально-хозяйственного развития Юга России

Ареал/полоса селитебного и территориально-хозяйственного развития	Удельный вес в масштабе Юга России, 2021 г., %*			Плотность, 2021 г.		Динамика за 2015–2021 гг., раз	
	Площадь территории	Численность населения	Доходы**	населения, чел./км²	доходов, тыс. руб./км²	численности населения	доходов
<i>Ареально-узловые структуры</i>							
Западная (Черноморско-Донская) меридиональная полоса селитебной и хозяйственной активности Юга России, в том числе	27.8	42.2	51.4	63.3	16272	1.017	1.974
Причерноморская дуга опережающего развития	2.4	9.4	14.7	166.8	54467	1.054	2.183
Восточная (Волжско-Каспийская) меридиональная полоса селитебной и хозяйственной активности Юга России	6.5	14.0	13.5	89.6	18291	1.009	1.649
Предкавказская селитебная и хозяйственная полоса, в том числе	10.8	27.3	25.1	106.3	20523	1.052	2.009
Западная зона полосы	3.7	8.8	16.1	101.5	38643	1.075	2.204
Центрально-восточная зона полосы	7.1	18.4	9.0	108.7	11161	1.041	1.735
<i>Периферийные ареалы</i>							
Аридный восток	34.8	7.4	4.4	8.9	1118	0.992	2.024
Черноземный север Ростовской и Волгоградской областей	10.6	2.8	2.2	11.0	1801	0.929	1.661
Горные территории Кавказа	6.2	3.3	1.1	22.3	1153	1.005	2.075
Равнинный и Предгорный Крым	3.4	3.1	2.2	39.1	5881	0.977	2.788

Примечания: * в суммарные данные по Югу России не включен Севастополь, по которому (как субъекту Федерации) сопоставимые сведения о налогооблагаемых денежных доходах Росстат не публикует; ** налогооблагаемые денежные доходы физических лиц и индивидуальных предпринимателей. Составлено авторами по данным Всероссийской переписи населения 2020 г. и Росстата.

Если придерживаться предложенного Ю.В. Бромлеем (1983) критерия моноэтничности (доля конкретного этноса 95% и выше), то подобных МО на Юге России сравнительно немного: 89 из 332². Если же, исходя из современных российских этногеографических реалий, в том числе вычленяемого ведущими экспертами “русского мегаядра” (Манаков, 2019; Стрелецкий, 2011), делимитируемого по доле в населении русских в 80% (Сафронов, 2015) и даже в 75% (Манаков, 2019), снизить пороговое значение моноэтничности до $\frac{3}{4}$ от общей численности лиц, указавших национальность, то, в результате, четко очерчивается обширный, включающий края и области (без Астраханской) массив преимущественно “русских” МО (всего по Югу их 167). Особняком идут кластеры МО и отдельные “вкрапления” моноэтничности других национальностей (73 МО), а также полиэтничные территории, полностью отсутствующие в муниципальном разрезе лишь в Ингушетии и Краснодарском крае (рис. 2).

“Собственными” моноэтническими (с долей в населении 75% и выше) МО³ располагают на Юге России 15 национальностей; еще 12⁴ выступают в качестве численно значимых “вторых-третьих” на полиэтничных территориях (в отдельных полиэтнических МО Дагестана кумыки и рутульцы занимают, кроме того, первую по численности позицию). Характерно, что на МО с 95%-ной и большей долей в населении русских приходится 85.8 тыс. км² территории и 4.2 млн чел. населения; с 75%-ной — 326.8 тыс. км² и 16.5 млн чел. Составляя 52.4% территории и концентрируя 63.9% населения всего Юга России, последние составляют основной компонент важнейших для его экономики ареально-узловых структур: в Западной полосе хозяйственной активности из 115 МО моноэтнических “русских” — 103, из входящих в состав южнороссийских городских агломераций 89 МО, “русских” — 49⁵.

² Из них 49 — русские (включая городские округа Волгоград, Азов, Волгодонск, Гуково, Донецк, Каменск-Шахтинский, Новочеркасск, Новошахтинск и Шахты), 13 — чеченские, 12 — аварские, 5 — ингушские, 4 — лезгинские, 3 — даргинские; по одному черкесскому, осетинскому и лакскому муниципальному образованию.

³ 16 моноэтнических муниципальных образований — чеченских, 13 аварских, 9 ингушских, 6 кабардинских, 6 осетинских, 5 даргинских, 5 лезгинских, 4 карачаевских, 2 калмыцких, 2 лакских, 2 ногайских; по 1 моноэтническому муниципалитету у абазин, табасаран и черкесов.

⁴ Включая азербайджанцев, армян, балкарцев, греков, казахов, корейцев, кумыков, туркмен, турок, украинцев, цахуров и чыган.

⁵ 7 чеченских, 6 ингушских, 3 кабардинских, 1 калмыцкое, 1 осетинское и 22 полиэтнических муниципальных образования, в 5 из которых также численно преобладает русское население.

Моно- и полиэтнические МО сопряжены между собой не только в рамках образуемых городскими агломерациями и региональными столицами центрально-периферийных структур. Любому этносу присущи те или иные специфические форматы их расселения как следствие *ареально-сконцентрированной локализации с элементами дисперсии*. Итог данного процесса — множественность “этнически окрашенных” социально-экономических пространств (на Юге России, особенно — на Северном Кавказе “уплотненных” и, отчасти, малоформатных), каждое из которых вмещает 1) *моноэтнический ареал расселения*; 2) *основной ареал локализации*, включающий, наряду с моноэтническим ареалом, селитебно и социально-экономически значимые для этноса полиэтнические территории, прежде всего, урбанизированные; 3) *очаги локализации за пределами основного ареала*; 4) *ареал преимущественной дисперсии*; 5) *пространство дисперсии*. Присущие этносам Юга России особенности размещения можно объединить в несколько типологических групп (табл. 3).

Характерно, что подавляющее число чеченцев и ингушей проживает (согласно переписной статистике) именно в “своих” моноэтнических ареалах. Для крымских татар и украинцев основной ареал лишен строго очерченных муниципальных рубежей, но в целом ограничивается Республикой Крым. Иная ситуация для ногайцев (лишь треть их численности приходится на два “титульных” МО⁶, а весь очаг локализации рассредоточен в пределах четырех субъектов Федерации) и армян⁷, сконцентрированных (до половины от общего их на Юге числа) в пяти городских агломерациях (Ростовской, Краснодарской, Кавминводской, Сочинской и Новороссийской). “*Центроориентированность*”, как один из магистральных для расселения трендов, расширяет присущие этносам очаги их преимущественной локализации. Так, число кабардинцев в ареале “своих” моноэтнических МО ныне сопоставимо с численностью представителей кабардинского этноса на полиэтнических территориях Кабардино-Балкарии (включая городской округ Нальчик, где локализована почти четверть всего кабардинского населения). В городской местности Дагестана проживает 38% сконцентрированных на территории этой республики даргинцев, что аналогично их численности в компактно расположенных (см. рис. 2) пяти “даргинских”

⁶ Ногайский муниципальный район Дагестана и Ногайский муниципальный район Карачаево-Черкесии.

⁷ Единственное муниципальное образование с ранее преимущественно армянским населением, Мясниковский сельский район Ростовской области, по итогам последней переписи в силу своей близости к Ростову-на-Дону обрел армяно-русский численный паритет.

Рис. 2. Локализация моно- и полиэтнических муниципальных образований на Юге России.

Составлено авторами на основе ГИС-анализа данных Всероссийской переписи населения 2020 г.

моноэтнических муниципальных районах. Социально-экономически мотивированная полиэтнизация региональных столиц и других значимых для Юга России городов (с их ближайшей периферией) протекает, в этой связи, одновременно с разнонаправленной динамикой моноэтнических пространств (обособлением части из них и “размыванием”, диверсификацией этнической структуры других), что, впрочем, не устраняет их разноразмерности, несхожести по ключевым селитебно-демографическим и экономическим характеристикам.

Присущая Югу России **сопряженность локализации крупнейших этносов и пространственных структур экономического роста** наиболее рельефно выражена при сопоставлении основного ареала расселения русских с другими моно- и полиэтническими ареалами [в общероссийском масштабе диспропорция между русскими и иноэтническими территориями ранее акцентирована А.И. Трейвишем (2009)]. Именно на Краснодарский и Ставропольский края, а также Ростовскую и Волгоградскую области (с долей в них русских – 92.3, 82.9, 91.7 и 92.5% соответ-

Таблица 2. Городские агломерации, интегрированные сельско-городские пространства и обособленные значимые городские центры Юга России

Городская агломерация, центр	Число жителей, 2021 г., тыс. чел.	Удельный вес в масштабе Юга России, 2021 г., %*			Динамика за 2015–2021 гг., раз	
		Площадь территории	Численность населения	Доходы**	численности населения	доходов
Ростовская	2128	1.3	8.2	14.2	1.017	1.943
Краснодарская	1702	1.2	6.3	13.8	1.140	2.227
Волгоградская	1506	1.4	5.8	6.8	0.990	1.497
Ставропольская	1088	1.6	4.0	4.5	1.250	1.940
Грозненская***	1057	0.8	4.0	2.1	1.086	2.342
Махачкалинская	1010	0.5	3.8	2.7	1.050	1.760
Кавминводская	1008	1.1	3.8	3.4	1.000	1.900
Астраханская	825	4.4	3.2	3.5	0.982	1.884
Южнокрымская****	715	0.4	2.8	4.7	1.026	2.310
Новороссийская	670	0.5	2.6	3.7	1.094	1.803
Сочинская	519	0.6	2.0	4.1	1.095	2.610
Шахтинская	478	0.7	1.8	1.3	0.967	1.841
Владикавказская	475	0.3	1.8	0.9	0.975	1.310
Нальчикская	463	0.3	1.8	1.3	1.011	1.803
Назрань—Магас*****	417	0.4	1.6	0.3	1.110	1.319
Дербентская	259	1.0	1.0	0.4	1.025	1.958
Волгодонская	234	0.7	0.9	0.8	0.983	1.526
Элиста	108	0.1	0.4	0.7	0.994	3.578
Всего по Югу России	26849	100.0	100.0	100.0	1.018	1.939

Примечания: * в суммарные данные по Югу России не включен Севастополь, по которому (как субъекту Федерации) сопоставимые сведения о налогооблагаемых денежных доходах населения Росстат не публикует. ** Налогооблагаемые денежные доходы физических лиц и индивидуальных предпринимателей. *** Моноэтнический сельско-городской континуум, “центрированный” на Грозном и находящийся от него в пределах принятой для городских агломераций доступности. **** Без Севастополя (численность населения Южнокрымской агломерации в целом — 1262 тыс. чел.). ***** Моноэтнический сельско-городской континуум, “центрированный” на Назрани и Магасе и находящийся от них в пределах принятой для городских агломераций доступности.

Составлено авторами по данным Всероссийской переписи населения 2020 г. и Росстата.

ственно) суммарно приходится более 70% ВРП Юга России, около 88% объема обрабатывающих производств, 86% посевных площадей зерновых. Здесь же расположена и первая (по демографическому потенциалу) четверка крупнейших городских агломераций, чья доля в налогооблагаемых доходах составляет 39.3% при соответствующем показателе по населению 28%.

Ареалу МО с “русской моноэтничностью”, впрочем, также присущи внутренние социально-экономические различия и проблемы. Так, полностью входящий в его контур Черноземный

север Ростовской и Волгоградской областей (все его 27 МО — “русские” по своей этнической структуре) отличает сочетание наиболее интенсивной в пределах Юга России депопуляции и наименьшего (на 16% уступающему среднему по южнороссийскому макрорегиону) номинального роста налогооблагаемых доходов. Симптоматично также, что именно группировка МО с 95%-й и более долей русского населения выступает в пределах Юга всего лишь медианной по степени заселенности и экономической освоенности/развитости, в то время как лидирующие

Таблица 3. Типологическая инвариантность локализации на Юге России некоторых этносов

Этнос	Общая численность на Юге России, тыс. чел.	В том числе локализовано, %		
		в группировке/кластере “своих” моноэтнических муниципалитетов	в своем “титульном” регионе (или регионах преимущественной локализации)	на остальных территориях Юга России
С регионально-компактным основным ареалом локализации				
ингуши	504	98.6	98.6	1.4
аварцы	986	43.2	97.0	3.0
кабардинцы	515	54.8	97.5	2.5
крымские татары	256	неприменимо	98.0	2.0
С регионально-компактным основным ареалом и немногочисленными внешними очагами локализации				
чеченцы	1623	89.3	89.8	10.2*
даргинцы	607	33.9	85.8	14.2**
кумыки	537	неприменимо	92.4	7.6***
казахи	195	неприменимо	73.3	26.7****
С регионально-компактным основным ареалом локализации и существенной дисперсией				
украинцы	255	неприменимо	56.9*****	43.1
С рассредоточенным (межрегиональным) основным ареалом локализации				
ногайцы	90	33.1	95.8*****	4.2
армяне	498	неприменимо	86.7*****	

Примечания: * 6.1% — в Дагестане; ** 9.7% — в Ставропольском крае, 1.2% — в Ростовской области, 1.1% — в Калмыкии; *** 3.4% — в Северной Осетии — Алании, 2.2% — в Чечне; **** 19.5% — в Волгоградской области, 2% — в Калмыкии; ***** в Республике Крым; ***** в Дагестане, Ставропольском крае, Карачаево-Черкесии и Астраханской области; ***** в Краснодарском и Ставропольском краях, Ростовской области.

Составлено авторами по данным Всероссийской переписи населения 2020 г.

позиции занимают “русские” же территории с более весомыми иноэтническими “вкраплениями” (табл. 4).

Полиэтнические МО приурочены к Крыму и в еще более существенной мере — к Предкавказской селитебной и хозяйственной полосе, а также Аридне востоку (где из 54 МО 32 являются полиэтническими). Пространственно расширяющийся сегмент полиэтничности (отстающий от средних по макрорегиону значений заселенности и экономической освоенности, но обладающий потенциалом демографического и экономического роста в своих основных городских центрах, в первую очередь, в Махачкале) — важнейшее для подавляющей части южнороссийских этносов пространство взаимопересечения ареалов их локализации и, соответственно, социально-экономической активности и интересов. Он внутренне неоднороден, образуя (своей “предкавказской составляющей”) систем-

ное единство с относящимися большей частью к Горным территориям группировкам моноэтнических (“национальных”) МО. Последним присущи наибольшие⁸ на Юге России проявления периферийности (включая выраженный дисбаланс между долей в населении и в налогооблагаемых доходах). Их важная особенность — сохраняющаяся доминанта хозяйственных укладов, обозначаемых в научном дискурсе как этноэкономика (Овчинников, Колесников, 2006; Римашевская, Вершинская, 1999) с ее полунатуральными форматами и теневыми схемами; об институциональной специфике Северного Кавказа и ее влиянии на экономику уже многое написано (Аузан, Никишина, 2021; Зубаревич, 2010; Лимонов, Несена, 2015). Мы же в данном

⁸ В существенной мере обусловленные соответствующим креном экономики в аграрную сферу, условия для развития которой именно на востоке и юго-востоке макрорегиона, в его горной зоне — наиболее усложнены.

Таблица 4. Распределение параметров территориального, демографического и экономического потенциала Юга России по моно- и полиэтническим муниципальным образованиям, 2021 г., %*

Территория (группировка муниципальных образований) Юга	Доля муниципальных образований в масштабе Юга России, %			
	Площадь территории	Численность населения	Налогооблагаемые доходы	Социальные и другие выплаты
Моноэтнические “русские” (доля русских в населении 75% и более), в том числе	52.4	63.9	80.2	66.4
Территории с долей русских в населении 95% и более	14.2	15.9	15.8	17.5
Иные моноэтнические “русские” территории (с весомыми иноэтническими “вкраплениями”)	38.2	48.0	64.4	48.9
Иноэтнические с долей численно преобладающего этноса в 75% и более, в том числе	9.5	13.9	5.6	13.5
чеченские	2.6	5.7	2.8	6.7
аварские	1.3	0.9	0.3	1.3
даргинские	0.5	0.9	0.3	0.8
ингушские	0.4	2.0	0.4	1.9
кабардинские	0.8	1.2	0.5	1.0
осетинские	0.9	0.7	0.2	0.8
карачаевские	1.0	0.4	0.1	0.3
Полиэтнические	38.1	22.2	14.1	20.1

Составлено авторами по итогам анализа данных Всероссийской переписи населения 2021 г. и Росстата.

случае особо отметим ситуацию их устойчивого взаимодействия с “центрными зонами” соответствующих субъектов Федерации, Юга России, страны в целом.

ВЫВОДЫ

Неравномерность пространственного развития подчас сочетается (и это наглядно проявляется именно на Юге России) с “этнической мозаикой” территории, ее стратификацией на моно- и полиэтнические ареалы. Поэтому необходимое (в том числе по демографическим и геополитическим мотивам) опережающее развитие экономики Дагестана, Ингушетии, Чечни, других северокавказских республик должно, в этой связи, не только опираться на реализацию потенциала межмуниципальных и межрегиональных взаимодействий, но и детально учитывать этнические аспекты пространственного развития. Это, в свою очередь, предполагает фокусировку на: 1) моноэтнических территориях как, в подавляющем числе ситуаций, сопоставимо наиболее проблемных (в пределах которых, в русле “Стра-

тегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года”, необходимо формировать наиболее уплотненный каркас “опорных населенных пунктов”); 2) полиэтнических городских агломерациях Северного Кавказа как приоритетной экономической базе воспроизводства автохтонных этносов (фокусах их притяжения, требующих дальнейшего опережающего наращивания своего экономического потенциала в сочетании с развитием дорожно-транспортной сети); 3) межрегиональных, интегрирующих ареалы локализации народов Юга России ареально-узловых структурах (с геостратегически мотивированным акцентом на Волжско-Каспийскую полосу экономической активности).

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00180 “Поливариантность детерминант и трендов экономической динамики муниципальных образований России: концептуализация, идентификация

и типологизация в интересах государственного регулирования пространственного развития”) в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН.

FUNDING

The research is done under the grant of the Russian Science Foundation (project no. 23-18-00180 “Multivariaty of Determinants and Trends of Economic Dynamics of Russian Municipalities: Conceptualization, Identification and Typologization in the Interests of State Regulation of Spatial Development”) in the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анохин А.А., Федоров Г.М. О соотношении процессов поляризации и выравнивания уровня социально-экономического развития субъектов Российской Федерации // Вестн. СПбГУ. Науки о земле. 2017. Т. 65. № 4. С. 327–342.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu07.2017.401>
- Антонов Е.В., Махрова А.Г. Крупнейшие городские агломерации и формы расселения наднационального уровня в России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2019. № 4. С. 31–45.
<https://doi.org/10.31857/S2587-55662019431-45>
- Аузан А.А., Никишина Е.Н. Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика — на культуру. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2021. 200 с.
- Белозеров В.С. Этническая карта Северного Кавказа. М., 2005. 304 с.
- Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.
- Буфетова А.Н., Коломак Е.А. Национальная неоднородность в регионах России: оценка, изменение, влияние на экономическое развитие // Вопросы экономики. 2021. № 1. С. 120–142.
<https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-1-120-142>
- Гозулов А.И. Экономическая география Северного Кавказа. Ростов-на-Дону: Севкавказ, 1927. 164 с.
- Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991. 168 с.
- Дружинин А.Г. Юг России конца XX — начала XXI в. (экономико-географические аспекты). Сер. Монографии. Вып. 5. Ростов-на-Дону, 2005. 284 с.
- Дружинин А.Г. Глобальное позиционирование Юга России: факторы, особенности, стратегии. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2009. 288 с.
- Дружинин А.Г. Полиэтничен ли современный Юг России? // Региональные исследования. 2024. № 2. С. 28–39.
<https://doi.org/10.5922/1994-5280-2024-2-3>
- Зубаревич Н.В. Регионы России. Неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.
- Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.
- К вопросу о составе крупных и крупнейших городских агломераций Российской Федерации. М.: Фонд “Институт экономики города”, 2023.
https://urbaneconomics.ru/sites/default/files/aglomeracii_-_ekspress-analiz.pdf (дата обращения 05.08.2024).
- Коломак Е.Е. Неравномерное пространственное развитие в России: объяснения новой экономической географии // Вопросы экономики. 2013. № 2. С. 132–150.
<https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-2-132-150>
- Крюков В.А. “Разноцветная” экономика // ЭКО. 2017. № 10. С. 2–4.
- Крюков В.А., Селиверстов В.Е. Стратегическое планирование пространственного развития России и ее макрорегионов: в плену старых иллюзий // Рос. экономич. журн. 2022. № 5. С. 22–40.
<https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-5-22-40>
- Кузнецова О.В. Стратегия пространственного развития Российской Федерации: иллюзия решений и реальность проблем // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4. С. 107–125.
<https://doi.org/10.14530/se.2019.4.107-125>
- Ланно Г.М. Разнообразие городов как фактор успешного пространственного развития России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2019. № 4. С. 3–23.
<https://doi.org/10.31857/S2587-5566201943-23>
- Лексин В.Н. Системные основания и последствия территориально опосредованной депопуляции // Регион: Экономика и Социология. 2021. № 2. С. 101–134.
<https://doi.org/10.15372/REG20210205>
- Лимонов Л.Э., Несена М.В. Особенности этнокультурного разнообразия российских регионов // Регион: Экономика и Социология. 2015. № 3. С. 146–170.
<https://doi.org/10.15372/REG20150906>
- Манаков А.Г. Оценка изменения этнической мозаичности регионов Европейской России в периоды между переписями 1897, 1959 и 2010 годов // Изв. РАН. Сер. геогр. 2019. № 2. С. 117–128.
<https://doi.org/10.31857/S2587-556620192117-128>
- Минакир П.А. Российское экономическое пространство. Стратегические тупики // Экономика региона. 2019. Т. 15. Вып. 4. С. 967–980.
<https://doi.org/10.17059/2019-4-1>
- Минат В.Н. Влияние этнокультурного разнообразия на экономический рост и пространственное развитие трансграничных территорий США // Вестн. Челябинск. гос. ун-та. 2022. № 12. С. 55–67.
<https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-11207>

- Несена М.В. Влияние культурного разнообразия регионов России на экономические показатели // *Общественные науки и современность*. 2015. № 5. С. 72–85.
- Нефедова Т.Г. Контрасты социально-экономического пространства в центре России и их эволюция: два “разреза”-профиля // *Региональные исслед.* 2020. № 2. С. 18–38.
<https://doi.org/10.5922/1994-5280-2020-2-2>
- Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И., Шелудков А.В. Полимасштабный подход к выявлению пространственного неравенства в России как стимула и тормоза развития // *Изв. РАН. Сер. геогр.* 2022. № 3. С. 289–309.
<https://doi.org/10.31857/S2587556622030128>
- Овчинников В.Н., Колесников Ю.С. Этноэкономика как фактор развития // *Проблемы прогнозирования*. 2006. № 1. С. 118–123.
- Пивоваров Ю.Л. Сжатие интенсивно используемого пространства: концепция макрорегионального развития России // *Изв. РАН. Сер. геогр.* 1997. № 5. С. 114–124.
- Пилясов А.Н. Новая экономическая география (НЭГ) и ее потенциал для изучения размещения производительных сил России // *Региональные исслед.* 2011. № 1. С. 3–31.
- Полян П.М. Методика выделения и анализа опорного каркаса населения. М.: Институт географии АН СССР, 1988. Ч. 1. 220 с.
- Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Этнокультура и экономика: синергия возможностей // *ЭКО*. 2018. № 5. С. 8–27.
- Римашевская Н.М., Вершинская О.Н. Этноэкономика — новая “старая” наука // *Народонаселение*. 1999. № 3–4. С. 6–15.
- Родоман Б.Б. “Поляризованный ландшафт”: полвека спустя // *Изв. РАН. Сер. геогр.* 2021. Т. 85. № 3. С. 467–480.
- Сафронов С.Г. Современные тенденции трансформации этнического состава населения России // *Балтийский регион*. 2015. № 3. С. 138–153.
<https://doi.org/10.5922/2079-8555-2015-3-9>
- Стародубровская И.В., Зубаревич Н.В., Соколов Д.В., Интигринова Т.П., Миронова Н.И., Магомедов Х.Г. Северный Кавказ: модернизационный вызов. М., 2011. 328 с.
- Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования / под ред. С.С. Артоболевского, Л.М. Синцера. М.: Эслан, 2010. 428 с.
- Стрелецкий В.Н. Россия в этнокультурном измерении: факторы регионализации и пространственные структуры // *Региональное развитие и региональная политика России в переходный период*. М., 2011. С. 146–176.
- Суций С.Я. Армяне Юга России и Крыма. Геодемографический очерк. Ростов-на-Дону: Копицентр, 2015. 288 с.
- Тарбастаева И.С. Тува превращается в моноэтнический регион: риски и перспективы // *ЭКО*. 2018. № 5. С. 65–80.
- Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. 372 с.
- Трейвиш А.И. “Сжатие пространства”: трактовки и модели // *Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования*. М.: Эслан, 2010. С. 16–31.
- Цапенко И. Экономические ресурсы этнокультурного разнообразия // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. № 11. С. 35–46.
<https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-11-35-46>
- Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа. М.: Изд-во “Европа”, 2007. 127 с.
- Черноус В.В. Русские на Северном Кавказе. Вызовы 21 века. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦВШ, 2001. 215 с.
- Швецов А.Н. Городские агломерации в преобразовании урбанистического пространства // *Рос. экономич. журн.* 2018. № 1. С. 45–65.
- Широв А.А., Белоусов Д.Р., Блохин А.А., Гусев М.С., Клепач А.Н., Узиков М.Н. Россия 2035: новое качество национальной экономики // *Проблемы прогнозирования*. 2024. № 2. С. 6–20.
<https://doi.org/10.47711/0868-6351-203-6-20>
- Щитова Н.А., Белозеров В.С., Тикунов В.С. Социально-экономический компонент оценки качества жизни населения Ставропольского края // *Вестн. Моск. ун-та. Серия 5: География*. 2019. № 2. С. 69–77.
- Benassi F., Bonifazi C., Heins F., Lipizzi F., Strozza S. Comparing Residential Segregation of Migrant Populations in Selected European Urban and Metropolitan Areas // *Spatial Demography*. 2020. Vol. 8. № 2. P. 269–290.
<https://doi.org/10.1007/s40980-020-00064-5>
- Collier P. Implication of ethnic diversity // *Economic Policy*. 2001. № 32. P. 129–166.
<https://doi.org/10.1111/1468-0327.00072>
- Garcia-Montalvo J., Reynal-Querol M. Ethnic diversity and growth: Revisiting the evidence // *Rev. of Economics and Statistics*. 2021. Vol. 103. № 3. P. 521–532.
- Logan J.R., Alba R.D., Zhang W. Immigrant enclaves and ethnic communities in New York and Los Angeles // *American Soc. Review*. 2002. Vol. 67. № 2. P. 299–322.
<https://doi.org/10.2307/3088897>

Spatial Stratification of Economic Development and Localization of Ethnic Groups in the South of Russia (Municipal Dimension)

A. G. Druzhinin^{a, b, *}, D. A. Volkhin^c, and O. V. Kuznetsova^d

^a Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

^b Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^c Crimean Federal University, Simferopol, Russia

^d Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

*e-mail: alexdru9@mail.ru

The article is devoted to the topical issues of its spatial development for modern Russia. The purpose of the study (based on the materials of the South of Russia, considered in the unity of the Southern and North Caucasian federal districts) was the combined analysis of the ethnogeographic “mosaic” of the territory and its stratification by the level and dynamics of economic growth. It is based on data from the 2020 All-Russia Population Census and on taxable monetary income of the population, analyzed for 332 urban and municipal districts in the South of Russia and visualized using GIS. It is shown that the inherent unevenness of residential and economic development in the macroregion is manifested in the dichotomy of identified and delimited areal-nodal structures (Western, Pre-Caucasian and Eastern belts, including all 16 urban agglomerations located in the South) and extensive peripheral areas (Arid East, Chernozem North of Rostov and Volgograd oblasts, Mountainous areas of the Caucasus as well as Plain and Foothill Crimea). The reference of monoethnic (broken down by individual ethnic groups) and multiethnic municipalities with them was determined. The spatially concentrated localization of the largest ethnic groups in South Russia with elements of dispersion, which creates a dichotomy of multiethnic territories and monoethnic territories of different sizes (including the zone of Russian monoethnicity, which occupies 52.4% of the territory of the South Russian macroregion and accommodates 63.9% of its population, as well as 80.2% of the taxable monetary income of individuals and individual entrepreneurs), has been revealed. It is shown that the inherent unevenness of the residential and economic development of the macroregion is manifested in the dichotomy of identified and delimited areal-nodal structures (Western, Pre-Caucasian and Eastern belts, including all 16 urban agglomerations located in the South) and extensive peripheral areas (Arid East, Chernozem North of the Rostov and Volgograd oblasts, Mountainous areas of the Caucasus, as well as the Plain and Foothill Crimea). The need to take into account the “ethnic aspect” of the territorial organization of the economy of the South of Russia in the federal spatial policy is emphasized.

Keywords: spatial development, economy, territorial structures, municipalities, ethnic structure, South of Russia

REFERENCES

- Anokhin A.A., Fedorov G.M. The correlation of the processes of polarization and alignment of the level of socio and economic development of the subjects of Russian Federation. *Vestn. St.-Peterb. Univ. Nauki Zemle*, 2017, vol. 65, no. 4, pp. 327–342. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu07.2017.401>
- Antonov E.V., Makhrova A.G. Largest Urban Agglomerations and Forms of Settlement Pattern at the Supra-Agglomeration Level in Russia. *Reg. Res. Russ.*, 2019, vol. 9, pp. 370–382. <https://doi.org/10.1134/S2079970519040038>
- Auzan A.A., Nikishina E.N. *Sotsiokul'turnaya ekonomika: kak kul'tura vliyaet na ekonomiku, a ekonomika – na kul'turu* [Socio-Cultural Economics: How Culture Affects the Economy, and Economics Affects Culture]. Moscow: MGU, 2021. 200 p.
- Belozеров V.S. *Etnicheskaya karta Severnogo Kavkaza* [Ethnic Map of the North Caucasus]. Moscow: OGI Publ., 2005. 304 p.
- Benassi F., Bonifazi C., Heins F., Lipizzi F., Strozza S. Comparing residential segregation of migrant populations in selected European urban and metropolitan areas. *Spat. Demogr.*, 2020, vol. 8, no. 2, pp. 269–290. <https://doi.org/10.1007/s40980-020-00064-5>
- Bromley Yu.V. *Ocherki teorii etnosa* [Essays on the Theory of Ethnos]. Moscow: Nauka Publ. 1983. 412 p.
- Bufetova A.N., Kolomak E.A. National heterogeneity in the Russian regions: assessment, change, impact on economic development. *Vopr. Ekon.*, 2021, no. 1, pp. 120–142. (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-1-120-142>
- Chernous V.V. *Russkie na Severnom Kavkaze. Vyzovy 21 veka* [Russians in the North Caucasus. Challenges of the 21st Century]. Rostov-on-Don, 2001. 215 p.
- Collier P. Implication of ethnic diversity. *Econ. Policy*, 2001, no. 32, pp. 129–166. <https://doi.org/10.1111/1468-0327.00072>

- Druzhinin A.G. *Yug Rossii kontsa XX — nachala XXI v. (ekonomiko-geograficheskie aspekty)*. Вып. 5 [The South of Russia at the End of the 20th — Beginning of the 21st Century (Economic and Geographical Aspects). Vol. 5]. Rostov-on-Don, 2005. 284 p.
- Druzhinin A.G. *Global'noe pozitsionirovanie Yuga Rossii: faktory, osobennosti, strategii* [Global Positioning of the South of Russia: Factors, Features, Strategies]. Rostov-on-Don: Izd-vo YuFU, 2009. 288 p.
- Druzhinin A.G. Is today's South of Russia polyethnic? *Reg. Res. Russ.*, 2024, vol. 14, pp. S187–S196. <https://doi.org/10.1134/S207997052460080X>
- Garcia-Montalvo J., Reynal-Querol M. Ethnic diversity and growth: Revisiting the evidence. *Rev. Econ. Stat.*, 2021, vol. 103, no. 3, pp. 521–532.
- Gozulov A.I. *Ekonomicheskaya geografiya Severnogo Kavkaza* [Economic Geography of the North Caucasus]. Rostov-on-Don: Sevkaavkniga Publ., 1927. 164 p.
- Gritsai O.V., Ioffe G.V., Treivish A.I. *Tsentr i periferiya v regional'nom razviti* [Center and Periphery in Regional Development]. Moscow: Nauka Publ., 1991. 168 p.
- Kagansky V.L. *Kul'turnyi landshaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo* [Cultural Landscape and Soviet Habitable Space]. Moscow: NLO Publ., 2001. 576 p.
- Kolomak E.E. Uneven spatial development in Russia: explanations of new economic geography. *Vopr. Ekon.*, 2013, no. 2, pp. 132–150 (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-2-132-150>
- Kryukov V.A. “Multicolored” economy. *EKO*, 2017, no. 10, pp. 2–4. (In Russ.).
- Kryukov V.A., Seliverstov V.E. Strategic planning of the spatial development of Russia and its macro-regions: captured to old illusions. *Ross. Ekon. Zh.*, 2022, no. 5, pp. 22–40. (In Russ.). <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-5-22-40>
- Kuznetsova O.V. Problems of elaboration of Spatial development strategy of the Russian Federation. *Prostr. Ekon.*, 2019, vol. 15, no. 4, pp. 107–125. (In Russ.). <https://doi.org/10.14530/se.2019.4.107-125>
- Lappo G.M. Diversity of cities as a factor of Russia's successful spatial development. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2019, no. 4, pp. 3–23. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S2587-5566201943-23>
- Leksin V.N. Systemic causes and consequences of spatially mediated depopulation. *Reg. Res. Russ.*, 2021, vol. 11, pp. 513–523. <https://doi.org/10.1134/S2079970521040109>
- Limonov L.E., Nesena M.V. Ethnocultural diversity: analysis of its features in Russian regions. *Region: Ekon. Sotsiol.*, 2015, no. 3, pp. 146–170. (In Russ.). <https://doi.org/10.15372/REG20150906>
- Logan J.R., Alba R.D., Zhang W. Immigrant enclaves and ethnic communities in New York and Los Angeles. *Am. Social. Rev.*, 2002, vol. 67, no. 2, pp. 299–322. <https://doi.org/10.2307/3088897>
- Manakov A.G. Evaluation of changes in the ethnic mosaic of regions of European Russia in periods between the 1897, 1959 and 2010 censuses. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2019, no. 2, pp. 117–128. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S2587-556620192117-128>
- Minakir P. A. Russian economic space: strategic impasses. *Ekon. Reg.*, 2019, vol. 15, no. 4, pp. 967–980. (In Russ.). <https://doi.org/10.17059/2019-4-1>
- Minat V. N. The impact of ethno-cultural diversity on economic growth and spatial development of US cross-border territories. *Byull. Chelyab. Gos. Univ.*, 2022, no. 12, pp. 55–67. (In Russ.). <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-11207>
- Nefedova T.G. Contrasts of socio-economic space in the center of Russia and their evolution: two cross-section cases. *Reg. Issled.*, 2020, no. 2, pp. 18–38. (In Russ.). <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2020-2-2>
- Nefedova T.G., Treivish A.I., Sheludkov A.V. A multi-scale approach to identifying spatial inequality in Russia as incentive and obstacle in development. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2022, no. 3, pp. 289–309. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S2587556622030128>
- Nesena M.V. Impact of cultural diversity of Russian regions on economic performance. *Obshch. Nauki Sovrem.*, 2015, no. 5, pp. 72–85. (In Russ.).
- Ovchinnikov V.N., Kolesnikov Y.S. Ethnoeconomy as a factor of growth. *Stud. Russ. Econ. Dev.*, 2006, no. 1, pp. 79–82. <https://doi.org/10.1134/S1075700706010084>
- Pilyasov A.N. New Economic Geography and its potential for studying the location of Russia's productive forces. *Reg. Issled.*, 2011, no. 1, pp. 3–31. (In Russ.).
- Pivovarov Yu.L. Compression of intensively used space: the concept of macro-regional development of Russia. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 1997, no. 5, pp. 114–124. (In Russ.).
- Polyan P.M. *Metodika vydeleniya i analiza opornogo karkasa naseleniya* [Methodology for the Allocation and Analysis of the Supporting Frame of the Population]. Moscow: Inst. Geogr. Akad. Nauk SSSR, 1988. 220 p.
- Popkov Yu.V., Tyugashev E.A. The ethnic culture and economy: synergy opportunities. *EKO*, 2018, no. 5, pp. 8–27. (In Russ.).
- Rimashevskaya N.M., Vershinskaya O.N. Ethnoeconomics — a new “old” science. *Narodonasel.*, 1999, no. 3–4, pp. 6–15. (In Russ.).
- Rodoman B.B. “Polarized landscape”: Half a century later. *Reg. Res. Russ.*, 2021, vol. 11, pp. 315–326. <https://doi.org/10.1134/S2079970521030102>
- Safronov S.G. Russian population ethnic structure: trends and transformations. *Balt. Reg.*, 2015, no. 3, pp. 138–153. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2015-3-9>

- Shchitova N.A., Belozеров V.S., Tikunov V.S. Socio-economic component of assessing the quality of life of the population of the Stavropol Territory. *Vestn. Mosk. Univ., Ser. 5: Geogr.*, 2019, no. 2, pp. 69–77. (In Russ.).
- Shirov A.A., Belousov D.R., Blokhin A.A., Gusev M.S., Klepach A.N., Uzyakov M.N. Russia 2035: the new quality of the national economy. *Stud. Russ. Econ. Dev.*, 2024, no. 2, pp. 161–170.
<https://doi.org/10.1134/S1075700724020151>
- Shvetsov A.N. Urban agglomerations in the urban space transformation. *Ross. Ekon. Zh.*, 2018, no. 1, pp. 45–65. (In Russ.).
- Starodubrovskaya I.V., Zubarevich N.V., Sokolov D.V., et al. *Severnyi Kavkaz: modernizatsionnyi vyzov* [The North Caucasus: A Modernizing Challenge]. Moscow: Delo Publ. 2011. 328 p.
- Streletsky V.N. Russia in the ethnocultural dimension: factors of regionalization and spatial structure. In *Regional'noe razvitiye i regional'naya politika Rossii v perekhodnyi period* [Regional Development and Regional Policy of Russia in the Transition Period]. Moscow, 2011, pp. 146–176. (In Russ.).
- Sushchii S.Ya. *Armyane Yuga Rossii i Kryma. Geodemograficheskii ocherk* [The Armenians of the South of Russia and Crimea. Geodemographic Essay]. Rostov-on-Don: Copi-tsentr Publ. 2015. 288 p.
- Szhatie sotsial'no-ekonomicheskogo prostranstva: novoe v teorii regional'nogo razvitiya i praktike ego gosudarstvennogo regulirovaniya* [The Compression of Socio-Economic Space: New in the Theory of Regional Development and the Practice of its State Regulation]. Artobolevsky S.S., Sintserov L.M., Eds. Moscow: Eslan Publ., 2010. 428 p.
- Tarbastaeva I.S. Tuva turns to the monoethnic region: risks and prospects. *EKO*, 2018, no. 5, pp. 65–80. (In Russ.).
- Treivish A.I. “Compression of space”: interpretations and models. In *Szhatie sotsial'no-ekonomicheskogo prostranstva: novoe v teorii regional'nogo razvitiya i praktike ego gosudarstvennogo regulirovaniya* [The Compression of Socio-Economic Space: New in the Theory of Regional Development and the Practice of its State Regulation]. Moscow: Eslan Publ., 2010, pp. 16–31. (In Russ.).
- Treivish A.I. *Gorod, raion, strana i mir. Razvitiye Rossii glazami stranoveda* [City, District, Country and World. The Development of Russia through the Eyes of a Country Scientist]. Moscow: Novyi Khronograf Publ., 2009. 372 p.
- Tsapenko I. Economic resources of ethnocultural diversity. *Mir. Ekon. Mezhdun. Otnosh.*, 2016, no. 11, pp. 35–46. (In Russ.).
<https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-11-35-46>
- Tsutsiev A.A. *Atlas etnopoliticheskoi istorii Kavkaza* [Atlas of the Ethnopolitical History of the Caucasus]. Moscow: Evropa Publ., 2007. 127 p.
- Zubarevich N.V. *Regiony Rossii. Neravenstvo, krizis, modernizatsiya* [Regions of Russia. Inequality, Crisis, Modernization]. Moscow: NISP, 2010. 160 p.